

Открытие подписки на сооружение памятника на могилѣ бывшаго о. ректора Тобольской духовной семинаріи Архимандрита Николая (Богоявленскаго).

Студентъ С-Петербургской Духовной Академіи Александръ Ребринъ обратился къ Высокопреосвященному Антонію, Архіепископу Тверскому и Кашинскому, съ письмомъ слѣдующаго содержания:

„Испрашивая Вашего святительскаго благословенія и святыхъ молитвъ, долженъ принести Вамъ глубокое извиненіе за безпокойство и хлопоты, доставляемые этимъ письмомъ Вамъ. Я бы никогда не рѣшился безпокоить Васъ, Ваше Высокопреосвященство, обремененнаго дѣлами по управленію своей епархіей, если бы меня не подвигнула на это любовь къ безвременно скончавшемуся о. архимандриту Николаю (Богоявленскому), моему дорогому воспитателю и наставнику по семинаріи. Зная, что Вы, Ваше Высокопреосвященство, всегда милостиво и съ любовью относились къ почившему, зная, какъ много вниманія выказали Вы послѣ его кончины, я и осмѣливаюсь писать Вамъ это письмо и обратиться съ покорнѣйшею и низжайшею просьбою.

Вы, Ваше Высокопреосвященство, знаете, что скончался о. Архимандритъ въ С.-Петербургѣ и похороненъ на Братскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Глубоко соболѣзнуя о безвременной его кончинѣ, я радуюсь, что прахъ его здѣсь, недалеко отъ Академіи и я могу навѣщать его могилку и, склонившись надъ нею, молить Всевышняго даровать „мученику“ Царство Небесное. Вы, Ваше Высокопреосвященство, конечно, знаете, почему я называю его мученикомъ, и смѣю надѣяться, даже согласитесь со

мною. Сидя около его могилки и вспоминая быстро пролетѣвшую семинарскую жизнь—при думѣ объ о. Архимандритѣ, у меня появляется въ умѣ образъ его, какъ образъ мученика. И мнѣ становится жаль этихъ промчавшихся лѣтъ, жаль, что они бесплодно для всѣхъ насъ прошли, причинивъ намъ столько и страданія и искалѣчивъ насъ. Это были годы, начиная съ 1905-го. И на темномъ, тогдашнемъ фонѣ нашей семинарской жизни, полной буйства и нравственной распущенности, яркимъ огнемъ горѣлъ только одинъ о. ректоръ. Что онъ испыталъ, что онъ перенесъ за это время, одному только Богу извѣстно, ибо къ нему онъ обращался съ молитвою о помощи и нашемъ вразумленіи. Знали, конечно, его горести, страданія и думы и Вы, Ваше Высокопреосвященство, и были въ тѣ для него трудные и несчастливые годы его первымъ совѣтникомъ и покровителемъ, ободряя его и благословляя терпѣливо нести возложенный на него крестъ Христовъ. И, дѣйствительно, съ помощью Божіею, онъ честно и непорочно несъ его до конца дней своихъ, пока не испустилъ послѣдній вздохъ изъ наболѣвшей души. Скончался онъ, сверженный страшнымъ недугомъ и... нами семинаристами. Тяжело говорить послѣднее слово, но это горькая правда: мы своимъ безразсуднымъ буйствомъ и поведеніемъ отняли у него болѣе, чѣмъ полжизни, лишили его здоровья и силъ. И вотъ не стало дорогого о. Архимандрита, ушелъ онъ отъ насъ, и теперь-то только мы оцѣнили его, поняли, что онъ былъ за человѣкъ, къ чему и куда онъ насъ звалъ. Но уже поздно, потеряннаго, говорить, не воротишь. И правда.

Очень хочется, насколько это возможно, загладить свою вину предъ усопшимъ и хотя чѣмъ-нибудь почтить свѣтлую память о немъ. Когда я сидѣлъ на его бѣдной и скромной могилкѣ въ ряду послушниковъ, у меня мелькнула мысль украсить хотя бы его могилку памятникомъ, взамѣнъ теперешняго деревяннаго креста, и это нужно сдѣлать всѣмъ намъ его бывшимъ питомцамъ и всѣмъ уважающимъ и вспоминающимъ свѣтлый обликъ о. Николая. И хочется вѣрить—не откажутся помочь этому доброму дѣлу. Думается, что это осуществится, такъ какъ многіе питомцы о. Архимандрита, по окончаніи семинаріи, уже трудятся на нивѣ народной и всѣ они унесли съ собой свѣтлое и хорошее воспоминаніе объ о. Архимандритѣ. Хочется надѣяться, что если обратиться чрезъ Епархіальныя Вѣдомости къ нимъ, то всѣ они откликнутся, и каждый поможетъ, кто чѣмъ можетъ. Но какъ это осуществить? Какъ это исполнить? Кто возьметъ на себя инициативу этого дѣла? Хотѣлось, чтобы во главѣ этого стояло лицо авторитетное и всѣми уважаемое, стоявшее, кромѣ того, близко къ почившему. Взять на себя инициативу этого

дѣла я не берусь, такъ какъ этихъ необходимыхъ качествъ не имѣю. Мысль эта явилась у меня уже давно и однако вотъ до сихъ поръ ни на шагъ не подвинулась впередъ. Почти въ отчаяніи у меня уже опускались руки. Но теперь надежда снова воскресла въ лицѣ Васъ, Ваше Высокопреосвященство. По любви и памяти къ почившему не откажитесь принять инициативу этого маленькаго для Васъ дѣла. Взявшись за это дѣло, Вы уже доведете его до конца, за что мы всѣ друзья и почитатели о. Архимандрита будемъ вѣрными Вашими почитателями“.

Высокопреосвященный Антоній, по полученіи письма студента А. Ребрива, предложилъ бывшему инспектору Тобольской духовной семинаріи Д. М. Березкину, не согласится ли онъ, чтобы пожертвованія на памятникъ о. Архимандриту Николаю пересылались въ его адресъ. Димитрій Михайловичъ охотно согласился на это и обѣщаль вести точную записъ всѣхъ пожертвованій на памятникъ и сдавать ихъ для храненія, впредь до востребованія, въ мѣстное казначейство. О всѣхъ пожертвованіяхъ періодически будетъ даваться отчетъ.

Въ виду этого Высокопреосвященный Антоній письмомъ отъ 20-го октября сего 1912 г. просить редактора Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей напечатать въ Вѣдомостяхъ ко всеобщему свѣдѣнію о томъ, что пожертвованія на сооруженіе памятника на могилѣ бывшаго о. ректора Тобольской духовной семинаріи Архимандрита Николая (Богоявленскаго) принимаетъ Д. М. Березкинъ. *Адресъ его: г. Бѣжецкъ, Тверской губ. Инспектору народныхъ училищъ Димитрію Михайловичу Березкину.*

Высокопреосвященный Антоній просить редакціи Омскихъ, Екатеринбургскихъ и Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей перепечатать эту замѣтку на страницахъ Вѣдомостей.

Редакторъ А. Городковъ.